

12+

АНГЕЛ С ЧЕРНИЧНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

**Мария
Панкова**

Мария Панкова

Ангел с черничными крыльями

«Издательские решения»

Панкова М.

Ангел с черничными крыльями / М. Панкова — «Издательские решения»,

Пятнадцатилетняя Саша устала от равнодушной матери и пыльной квартиры, из которой когда-то исчез отец. Однажды ночью сквозь трещину в полу к ней шагнул полупрозрачный толстяк с пирожком и объявил себя её кровным родственником. Обычный игровой квест оборачивается дорогой через странный Пансион и зыбкие миры. Чтобы вернуться домой, Саше придётся пожертвовать своей безопасностью, но прежде — понять, что самый страшный монстр обитает не за гранью реальностей, а там, где заканчивается любовь.

© Панкова М.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1. Первый шаг	7
Глава 2. Навстречу приключениям	8
Глава 3. Тайны старого дома	10
Глава 4. Между двух миров	13
Глава 5. Поезд из параллельной реальности	15
Глава 6. Урок с последствиями	17
Глава 7. Пансион	19
Глава 8. Крысы и одуванчики	21
Глава 9. Серая каша	22
Глава 10. Амбар забытых мелочей	24
Глава 11. Повилика и другие шпионы	26
Глава 12. Саша обживает в Пансионе	29
Глава 13. Игра тени и Света	31
Глава 14. Живая трещина	33
Глава 15. Мелочи большого плана	36
Глава 16. Неожиданный приют	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ангел с черничными крыльями

Мария Панкова

© Мария Панкова, 2026

ISBN 978-5-0071-1776-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Панкова

Ангел с черничными крыльями

Анонс

Редактор А. А. Троянский

2026

Эта книга посвящается выдающемуся российскому математику Григорию Перельману — человеку, доказавшему, что самые сложные задачи Вселенной имеют изящные решения.

Благодарности

Не могу считать себя единоличным автором этой книги, поскольку основной сюжет мне был показан во сне, причём в очень непростой жизненный период; думаю, что в качестве утешения. Мне оставалось только записать ключевую фабулу. Но вот в дальнейшей кропотливой работе над образами, сюжетом и текстом мне помогли чуткое, сопереживающее руководство, мудрые советы и ангельское терпение к первым черновикам редактора Акана Анатольевича Троянского.

Выражаю также искреннюю благодарность:

Маме, Марине Вячеславовне Столярской — моему главному помощнику и личному учёному-биологу. Спасибо за деятельное участие в корректуре текста и безжалостную выверку сюжета на предмет здравого смысла.

Моей семье — за стойкое (иногда) понимание феномена закрытой двери; мужу Андрею — за финансовый тыл и мудрое принятие неизбежности; детям — за искренний читательский интерес и подсказки по части «как бы поступил настоящий пятиклассник».

Учителю математики Ольге Анатольевне Исаковой — за то, что когда-то помогла нам увидеть красоту в цифрах.

Учителю русского языка и литературы Светлане Юрьевне Карпук — за умение находить поэзию даже в дееспричастных оборотах.

Друзьям — за вдохновение, кофе в три часа ночи и веру в то, что из моих фантазий действительно получится книга.

Чтобы найти правильное решение, необходимо было представить себе «кусочек мира». Григорий Перельман. Из интервью: «Зачем мне миллион долларов? Я могу управлять Вселенной»

I will not say: do not weep; for not all tears are an evil. J.R.R. Tolkien. The Lord of the Rings

Не говорю: не плачьте, ибо не всякие слёзы — во зло. Дж. Р. Р. Толкин. «Властелин колец»

ПРОЛОГ

Саше почудилось довольно громкое в ночной тишине чавканье. Оно её и разбудило. Какое-то время она лежала, не шевелясь и не открывая глаз. Потом осторожно повернула голову в сторону инородного в своей комнате звука. От увиденного она очень захотела закричать, но лёгкие не слушались. У неё не получалось набрать воздух, будто на грудь уселся их толстый серый кот.

На полу комнатки в полоске лунного света, пронизывающей тюлевые занавески, на какой-то здоровой подушке сидел огромный, полупрозрачный, расплывшийся мужчина лет сорока пяти и жевал пирожок-кулебяку. Закончив есть, посмотрел на свои руки и полез в карман за платком. Следом за обычным большим мужским белым платком из кармана выпал второй, явно дамский, цвета золотистого шафрана, обшитый тонким изящным кружевом и с причудливыми вензелями-инициалами. Толстяк с паникой посмотрел на него, попытался поднять, спохватился. Тщательно вытер жирные пальцы большим платком. И только потом, осторожно подняв шафрановый платочек, спрятал его в карман, пробормотав огорчённо: «Прости, дорогая!».

Затем уже спокойно и не торопясь вытер губы платком-салфеткой и капризным тоном заявил:

— Плохой тут воздух. Не поймёшь: не то слишком сухой, не то слишком влажный. Полосами как-то. То и дело в горле першит. И темно ещё, мрачновато.

Зажегся ночник. Толстяк взял со стола неполный стакан с водой, посмотрел жидкость на свет и с удовольствием выпил содержимое.

— Неуютно тут у тебя. Неужели нельзя вытереть пыль по углам? Аманда бы сейчас верещала как резаная, — он хихикнул, сотрясаясь широким телом. — Жаль, матушка твоя, видать, совсем затосковала. Но ведь всё равно помощь не примет. Гордая женщина, — и слегка улыбнулся, кивнув на висящий на стене портрет стройной элегантной дамы в синем платье.

— Я продукты заказал. Завтра курьер привезёт.

Подумал, вытащил из кармана несколько коротких жёлтых нарциссов и поставил прямо в графин с водой. Обратным ходом руки нечаянно задел стакан, который полетел на пол, ударившись об него с неожиданным, совсем не стеклянным треском. И почти сразу стало понятно, что треснул не стакан, а пол: в нем зияла расселина.

— Нда, совсем равновесие расшаталось, — сказал толстяк и деловито шагнул в трещину, пропадая из комнаты. Саша охнула и начала проваливаться в сон.

Глава 1. Первый шаг

Проснувшись, Саша с усилием потёрла опухшие веки и взглянула на себя в стоящее на тумбочке зеркало. Там же отражались побледневшие нарциссы, появление которых Саша объяснить не могла, так как ночной сон совершенно выветрился из головы после пробуждения. Лицо выглядело мятым. Бледная кожа и тёмные круги под глазами свидетельствовали: сон был поверхностным и тревожным. Материнская фраза «соберись, не в сказку попала» призраком ещё молодой, но уже уставшей женщины с тяжёлой судьбой преследовала Сашу днём и ночью, разбавляя все приятные моменты напоминанием о скором возвращении в мир, скупой на эмоции и приключения.

В ванной снова заперлась мама: якобы срочно понадобилось «постирать мелкие вещи». Но Саша знала, что шум воды скрывает переживания и эмоции, не предназначенные для постоянных глаз.

— Мам! Это ты нарциссы мне в комнату поставила? Знаешь же, что я не люблю жёлтые цветы!

Мама из-за двери ответила что-то невнятное и сильнее открыла кран.

«Почему у нас всё так?» — мысленно спросила себя Саша, наскоро кидая учебники в портфель и зная, что ответа не будет, просвета тоже. — Опять сплошные неприятности. Да ещё эту контрольную выдумали! И так ведь понятно, что мы после каникул ничего не помним!

В доме давно поселилась унылая безнадёжность. Мать совершенно перестала интересоваться хозяйством, а потом и у Саши опустились руки. Пыль безнаказанно оседала на мебели, накапливалась под шкафами и диванами, а пауки деловито заплетали липкими сетями свободные углы под потолком.

Тем утром ситуация обострилась. Огромный пакет мусора, набитый почти одними упаковками от полуфабрикатов, заблокировал дверь, мешая покинуть квартиру.

— Опять ты мусором дверь забаррикадировала?! — возмущённо простонала Саша в сторону мамы, вышедшей проводить дочь в школу.

Взгляд матери был направлен внутрь себя: она всё ещё проживала свою боль, вызванную уходом отца, который исчез из их жизни лет шесть назад.

— Я больше не могу так жить, — продолжила Саша. Её голос дрогнул, но в словах прозвучала решимость. — Одно и то же, одно и то же! Даже еда всё время одна и та же! Ты хоть доставку смени, что ли!

Реакция последовала ожидаемая: мать, промолчав, опустила взгляд. Словно эта жалоба была лишь частью привычного сценария, не вызывая в ней никакого отклика. Поэтому у Саши хватило смелости завершить фразу, покидая квартиру:

— Лучше бы я уехала с отцом...

С раздражением пнув пакет и захлопнув дверь, она рванулась к лестнице, оставляя позади себя и мусор, и боль взаимного непонимания, и малодушное желание не возвращаться в школу после летних каникул.

Женщина застыла на мгновение, глядя на неряшливую упаковку мусора, затем покачала головой с когда-то красивыми, а сейчас небрежно сколотыми в пучок седеющими волосами, вздохнула и решительно направилась на кухню.

А Саша уже бежала вниз по ступенькам, унося с собой невысказанные вопросы и привычную боль. Снова, как всегда после таких размолвок с матерью, отзывалось тревожной пульсацией, покалывало сердце, и почти летнее сентябрьское утро её совсем не радовало.

Глава 2. Навстречу приключениям

Последние два года своей небогатой событиями жизни пятнадцатилетняя Саша часто задерживалась после школы, исследуя новые маршруты, которые то и дело заводили её в незнакомые уголки города. Если подруги звали её, она охотно составляла им компанию, касалось ли это совместной работы над школьными заданиями или приятельских бесед в маленьких кафе, где она обычно заказывала чашечку горячего чая с кремовым пирожным.

Но, возвращаясь домой, она всякий раз сталкивалась с непониманием и, как ей казалось, равнодушием. Мама работала бухгалтером «с девяти до пяти» в какой-то конторе по банкротствам. Приходя домой, она занималась чем угодно, кроме общения с дочерью: играла с лохматым серым котом, смотрела сентиментальные сериалы или, если близился конец квартала, сводила отчётность на стареньком компьютере. Лишь иногда, заметив неприкаянность дочери, мать предлагала заняться математикой, словно это было единственным с её стороны способом проявить внимание.

Поэтому, когда после уроков одноклассница Диана предложила отправиться вместе с остальными в Шиповку, в тамошний Дом культуры, Саша не колеблясь согласилась.

В их городе уже неделю проходил праздник международного шоу-театров. Приехали делегации из разных стран. Большие автобусы были заполнены реквизитом, костюмами, коробками с гримом. В огромном ДК были задействованы все кабинеты, столы и стулья. Сегодня был гала-концерт, в котором принимали участие сразу все приехавшие артисты и коллективы. Конечно, на это было интересно посмотреть!

Девочки хитрыми рыбками просочились из зрительного зала за кулисы и с головой окунулись в водоворот праздничной яркой суеты. Делегации мигрировали по холлу и этажам, как паровозики с пакетами, вешалками, странными музыкальными инструментами. Двери кабинетов были открыты, чтобы артисты могли подготовиться к номерам: распеться, переодеться, перекусить. Сцена была завешена плотным красным занавесом. Здание чуть вибрировало от музыки, включённой для фона.

После великолепного двухчасового концерта приятельницы вышли на улицу, но ехать домой никому не хотелось. Они были настолько заряжены энергией, что всем хотелось продолжения, желательно такого же экзотического. Вздурораженные девчонки весело щебетали, обсуждая концерт и то, чем бы ещё заняться, и тут Диана предложила сходить на квест-игру в соседнем квартале. Саша лишь слегка засомневалась:

— Мне на рынок нужно, мама попросила купить помидоры.

— Забудь! — воскликнула подруга, лихо взмахнув рукой и скорчив рожицу. — В игре время особое: кажется, что провела там месяц, а на самом деле и часа не прошло. Она мозг ускоряет. Успеешь ты свои помидоры купить.

— А потом ещё доставку встретить, — сказала Саша.

— Это из той фирмы, где все курьеры на одно лицо?

— Да, она самая. «Блуждающая долина».

— Странно, я про такую никогда не слышала. А, неважно. Тоже успеешь. Хватит бояться. Погода скверная, а приключений хочется!

— Ещё как! — поддержала вторая школьница.

— Ну, в общем, идём на квест! Там бодрячок и заварушка! Я читала отзывы в сети, обещают уйму эмоций.

— Хватит уже ломаться. Мы, может, последний день счастливо живём! Слышала, Марьянна увольняется?

— Слышала, конечно, — кисло отозвалась Саша, для которой грядущая контрольная была как нож острый. И если со старой математичкой какой-то шанс ещё был, то с новой...

— А вместо неё новая училка придёт, — продолжала нагнетать Диана, — говорят, людоедка!

— Из интерната какого-то выперли, — поддержала вторая подружка. — Ой, она нам задаст жару!

И обе выжидательно посмотрели на Сашу: мол, проняло или не проняло?

Саша задумалась. Шиповка, конечно, тот ещё райончик, и мама сюда ездить не разрешает, но раз они уже всё равно тут... Быть может, это шанс не просто отвлечься от домашнего неуют, но и решить проблему с мамой в корне. Подумала и, пытаясь спрятать беспокойство, уступила:

— Ладно, но ненадолго.

— Ой, Саш, тебе просто необходим заряд адреналина! — засмеялась подруга, подпрыгивая и продолжая размахивать руками. — В таких играх всегда узнаёшь о себе много интересного.

— Я не уверена, что это моё, — призналась Саша, но, почувствовав поддержку одноклассницы, улыбнулась.

Эта затея обещала стать началом чего-то интересного. Впереди ждало приключение, и Саша решила окунуться в него с головой.

Глава 3. Тайны старого дома

Дом, замаскированный фасадной сеткой, на первый взгляд был обыкновенной хрущёвкой под реконструкцию: старым, неприметным и неряшливым снаружи, пёстрым и прохладным внутри, с потёками плесени на мозаичной плитке площадок. Окна в подъезде были из толстого синего стекла. Сильно запылённые, они практически не пропускали свет. «Глядя сквозь такое окно, невозможно определить, какое сейчас время дня и года. И даже какой век», — неожиданно подумала Саша.

Входная дверь в квартиру тоже производила тягостное впечатление своей облезлостью. Пропустив подруг вперёд, Саша замерла в ожидании, прислушиваясь к внутреннему чутью.

Квартира откликнулась коротким урчанием, щелчком замка, и дверь приоткрылась сама собой. Не распахнулась широко, а лишь позволила войти. Подруги вошли первыми, беспокойно оглядываясь. У Саши внутри будто шевельнулась потревоженная птица, но она всё же совладала с дрожью и шагнула внутрь.

Коридор напоминал туннель с закруглёнными краями потолочных сводов, а неясные ароматы в нём смешивались в противоречивую смесь прогорклой древности и лабораторной стерильности, вызывая лёгкое головокружение. Свежевымытый пол влажно блестел, однако странный химический запах наводил на подозрение о нестандартном составе чистящих средств.

Из боковых комнат то и дело выглядывали полупрозрачные фигуры — бледные, безликие мужчины и женщины, похожие на декорации театра теней. Один из этих призрачных жильцов, неуклюжий и неуловимо знакомый, бросил быстрый взгляд на группу девочек и исчез в тумане, словно растворился.

Девочки шли, пока непривычно длинный коридор не завершился тоже неожиданно большой комнатой. В нише у окна, в богатом резном кресле с ножками, имитирующими вросшие в пол корни, восседала красивая, властная женщина с движениями плавными и уверенными, словно у королевы из старинной пьесы. Тёмно-синие глаза с ленивым вниманием изучали вошедших, руки обманчиво спокойно лежали на подлокотниках, также напоминая цепкие корни дерева, вытягивающие из дома соки. Среди окружающего беспорядка она возвышалась, как островок кристальной безупречности.

Диана уставилась на женщину восхищённо, почти как Скрудж Макдак на золотую гору. Девочка машинально нащупала стул, но, вместо того чтобы усесться понадёжнее, изящно припустилась на самом его краешке, балансируя, словно акробатка. Стул предательски крикнул, поехал назад по скользкому полу, издавая звуки, похожие на скрипучий смех, и Диана с грохотом рухнула на пол. Женщина лишь закатила глаза и издала тяжёлый мученический вздох.

— Тупица, — прошептала она.

Диана вскочила, отряхивая несуществующую пыль с платья. В её глазах, устремлённых на спокойную женщину в кресле, плескался не испуг, а чистейший восторг.

— Простите, Хозяйка! — выдохнула она, вспыхнув румянцем. — Я восхищаюсь Вашим домом!

Хозяйка, едва взглянув на неё, сообщила:

— В аквариум упала ценная брошь. Она нужна мне. Я хочу её достать.

Диана нервно заёрзала:

— Но Госпожа... Вы же сами говорили, что вода не Ваша стихия и лучше туда не соваться!

Хозяйка закатила глаза так сильно, что они на секунду стали белыми.

— Верно. Поэтому это сделаешь ты.

— Я? Но я же без перчаток! А там столько ила!

Хозяйка молча сверкнула на Диану глазами, и та, поскуливая, полезла в воду с испуганно метавшимися и поднимавшими зелёную муть пучеглазыми рыбами. Ей не сразу удалось нащупать меж осклизлой гальки и вытащить небольшую золотую брошь в виде спиралевидной змейки с синими сапфировыми глазами. С раболепным поклоном она на ладони протянула брошь величественной женщине. Та, только мельком взглянув на украшение, небрежно бросила:

— Можешь оставить её себе в награду за послушание.

Пока Диана, рассыпаясь в благодарностях, прикалывала брошку к своей кружевной кофточке, Хозяйка исподтишка наблюдала за новенькой. И наконец спросила низким и мягким, как струящееся шёлковое полотно, голосом:

— Кого вы привели?

— Это наша одноклассница, — услужливо отозвалась Диана.

— Имя? — Хозяйка посмотрела на Сашу в упор.

— Её зовут Саша.

Женщина пристально взглянула на Диану, будто считывая невидимый код, а потом снова перевела взгляд на Сашу:

— Ответь сама.

Саша, сдерживая внутреннюю дрожь, ответила даже больше, чем требовалось, и сама удивилась ответу:

— Александра. Школа номер пять, живу с мамой.

Женщина приподняла бровь, словно это заявление её разочаровало.

— Хорошо. Ты принесла что-то запрещённое?

Саша покачала головой, отчаянно пытаясь скрыть страх:

— Нет, ничего запрещённого. — Рука Саши метнулась вверх и схватила несуществующую подвеску на груди, точнее, цепочку, на которой когда-то висел старинный серебряный амулет. Саша потеряла его несколько лет назад в бассейне.

Женщина каким-то странным металлически-пружинным движением выпрямилась в кресле и встала. Затем невероятно плавно, так что под ниспадавшей до пола юбкой платья не было заметно движений ног, не подошла, а как бы подплыла к письменному столу, покрытому царапинами, мелкими пятнами лака и каким-то порошком.

Она достала с полки над столом старинную коробку, в которой лежали огарки свечей, и аккуратно зажгла несколько штук перед медной статуэткой сидящей на корточках тучной женщины с покоящейся на коленях чашей с жидкостью. Руки статуэтки формировали подставку, в которую была вставлена кисть для каллиграфии.

— Покорми рыбок в аквариуме, — бесстрастно приказала Хозяйка, и почему-то стало ясно, что обращается она только к новенькой, а остальных девочек игнорирует, словно не видит вообще. Те, в свою очередь, почтительно замерли, чтобы не привлекать к себе внимание Госпожи.

Саша робко подсыпала щепотку сухих червяков в воду. На долю секунды ей показалось, что в мельтешащей гуще поедающих корм синих и чёрных рыбок мелькнуло что-то красное. Хозяйка, наблюдавшая за Сашей с едва уловимой гримасой брезгливости, взяла из рук статуэтки кисточку.

Когда девочка закончила, Хозяйка внимательно посмотрела на неё. От этого взгляда Саша поёжилась, а внутри шевельнулось нехорошее предчувствие уязвимости.

Затем Хозяйка приблизилась и повелительно произнесла:

— Подставь шею. Откинь волосы.

Повинуясь приказу, девочка опустила голову. Пальцы Хозяйки, неожиданно холодные даже через ткань школьной блузки, легли на её плечо. Обмакнув кисточку в воду, женщина начертала ею на Сашиной шее загадочный символ. Почувствовав, как появляется и пощипы-

вает незнакомый рисунок, Саша испугалась, но промолчала. Кожа её покрылась не только мурашками, но словно и невидимыми иголками; в груди что-то гулко ухнуло, будто большой камень чувств упал с обрыва, и остался лежать на дне души.

— У тебя теперь есть амулет, — провозгласила женщина. — Но твой запах мне не до конца понятен.

Дрожь пробежала по телу Саши, и здание откликнулось вибрацией в ответ.

— Идите, — Хозяйка небрежно махнула рукой. — Выход справа ведёт к вокзалу, слева — к рыночной площади. Помните про баланс энергий и запахов. Самоуверенность иногда обрушивает выход лучше динамита.

Диана, старавшаяся не показать, насколько она расстроена тем, что Кумир её души переключила всё своё внимание на новенькую, взяла Сашу за руку и торопливо вывела в коридор:

— Ну что, расходимся. Иди туда, где почувствуешь знакомый запах.

Но Саша колебалась:

— Может, я всё-таки пойду вместе с вами? Или домой? Как отсюда добраться до дома? Мне тут некомфортно, вы здесь уже были?

— Конечно, мы с Нинкой тут уже трижды бывали! Тут столько интересных парней и шикарных магазинов! — отозвалась Диана с натянутым смешком.

Оставшись одна, хозяйка комнаты пренебрежительно поморщилась и велела появившейся из-за портьеры молчаливой служанке:

— Вымой тут дважды с лавандовым гелем и приготовь мне компресс для рук с мятой. И главное, не бери настойку, которую принесла Камилла. Эту гадость лучше выкинуть, там полынь из Блуждающей долины, где шастают эти крылатые оборванцы.

Потом повернулась к статуэткам и стала шёпотом повторять древние заклинания, наполняя пространство зловещей энергией.

Глава 4. Между двух миров

— Можно с вами? — чуть не плакала Саша.

— Сказано, расходимся.

— Но куда мне идти?!

— Иди туда, где почувствуешь знакомый запах.

Саша колебалась, но подруги уже шагнули в туманную гущу, пропав в её плотной пелене. Через мгновение пространство наполнилось неясными силуэтами и приглушёнными голосами, будто кто-то тихо разговаривал, находясь вне зоны видимости.

Оставшись одна, Саша почувствовала беспокойство. Она попыталась вернуться к оставшейся за спиной двери, но... оказалось, что двери в комнату Хозяйки больше нет! Совсем ровная стена, тупик. Она повернулась в сторону выхода, чтобы уйти по коридору обратно. Однако выяснилось, что исчез и сам коридор, вокруг был только густой туман. От коридора остался только запах. Внезапно он усилился и загустел, напомнив ей летние вечера в яблоневом саду на даче. Она закрутила головой, приносясь и пытаясь определить источник яблочного аромата, ведущего к заветной двери. Справа повеяло приятной прохладой и свежестью.

Инстинктивно шагнув туда, Саша по колено провалилась в снег. Мир вокруг превратился в зимнюю ночь: железнодорожные пути, покрытые снегом, сверкающая сквозь метель иллюминация вокзала и бесконечность железной дороги, ведущей неизвестно куда.

Сердце ёкнуло и затрепыхалось, когда появилось чёрное пятнышко — поезд. Задохнувшись от холода, Саша пыталась поймать ритм дыхания, но холодный ветер подталкивал её вперёд. Под ногами был рыхлый снег, а под снегом оказались невидимые глазу рельсы запасного пути. Первый шаг оказался неверным: подошва летней туфельки сразу задубела от мороза, скользнула по невидимому рельсу, и Саша рухнула в снег, подвернув ногу. Боль прошла быстро, сменившись холодом и чувством оцепенения.

Ползая на четвереньках, она, всхлипывая, нащупывала гудящие рельсы, несущие мчащуюся по ним быструю опасность, и старалась отползти с них в сторону. Поезд отзывался протяжными гудками, но вряд ли машинист её отчётливо видел, скорее принимая за бездомного пса.

Подумав об этом, Саша попыталась встать на ноги: возможно, увидев на путях человека, машинист затормозит? С противоположной стороны показался ещё один состав. Ноги подвели, она завалилась на бок, больно ударившись рёбрами о металл, и резко откинулась в снег.

Поезд промчался мимо, раскидывая фонтаны снега и острых льдинок на безопасное место между путями, в котором замерла, вытянувшись в струнку, испуганная девочка. Почти сразу загрохотал подоспевший первый поезд. Сашу трясло от холода. Она приподняла голову, и... И снова два состава сближались с обеих сторон, угрожая раздавить её при попытке выползти из снежной ловушки.

Время остановилось. Движение замедлилось, а в сознании вспыхнули яркие воспоминания детства: бабушкины пирожки, чай с чабрецом и мятой, беззаботные прогулки по саду, запах спелых яблок. Эти образы смягчили страх, и внутри пробудился мерцающий огонёк надежды.

Внезапно перед её лицом буквально из воздуха появилась рука. Затем — красивая женская голова, которая проплывала мимо, словно выглядывая из невидимого окна.

Звонкое «Эй!» перекрыло нестройный гул поездов, обрадовав Сашу, как радовал в детстве хруст свежего хлеба, надкушенного прямо на улице — после скучного, полного манной каши дня в детском садике.

— Давай руку, иначе не доберёшься, — голос прозвучал настойчиво и уверенно. Оказалось, рука и голова висели не в воздухе, а высывались из вагона непонятно откуда взявшегося поезда, сбавившего ход.

Саша, почувствовав от незнакомки симпатию и поддержку, схватила за протянутую руку. Мгновенно девочка оказалась рядом с ней, в безопасности, на тормозной площадке последнего в составе вагона. Человеческое тепло пробежало по её пальцам, вытесняя ледяной холод страха. Перед ней открылась новая реальность: девушка с длинной светло-русой косой в старомодном красном платье и поезд, совершенно непохожий на привычные электрички, — составленный из деревянных пульмановских вагонов с перильцами и балкончиками тормозных площадок.

Внизу, в темноте заснеженных железнодорожных путей, будто издалека или сквозь истончившееся пространство, послышался голос Хозяйки:

— Вымой тут дважды с лавандовым гелем...

Затем голос растворился в тишине, оставив Сашу в полном недоумении.

Глава 5. Поезд из параллельной реальности

Чувство растерянности быстро сменилось благодарностью к незнакомке за спасённую жизнь.

— Осторожно с вагонами, их всё время перебрасывают, — сказала та и потянула Сашу к двери. — Давай-ка побыстрее зайдём внутрь, тут небезопасно.

Голос сопровождался лёгким дуновением внезапного ветра, добавляя весомости и силы словам девушки в красном платье.

Саша вошла, оказавшись в вагоне, обставленном как охотничий домик. Из стен топорщились рога, массивные и острые, словно готовые нанести удар любому постороннему. Лавки, покрытые холщовой тканью, казались мрачными свидетелями прошлых событий. На лавках сидели такие же мрачные, не улыбкающие люди.

Девушка в красном платье заметила замешательство Саши и заговорила:

— Не смотри на них, привяжутся. Тут есть те, кто потерял амулеты. Этими поездами все пытаются выбраться из шахт, высыхающих городов и пансионатов, но поезда проходят через границы миров, а вот люди порой — нет. Бедолаг с выцветшей меткой выкидывают на границе. Если за кого-нибудь не зацепятся...

Саша резко обернулась, услышав голос пассажира:

— Это швы от операций, — говорил соседу мужчина, чья одежда состояла из множества слоёв ткани, будто он собирался встретить зиму. — Кто-то ушивает тело, а я расшиваю костюм, делаю на нём операции. Потому что крысы, — он приподнял руку, и из рукава выглянула любопытная крысиная мордочка, — очень любят новую одежду, сразу начинают рыть в ней норы. Чем больше слоёв, тем им интереснее.

Его лицо, покрытое складками, казалось, хранило сотни историй, которые он предпочитал не вспоминать. Толстенькая серая крыса выбралась ему на плечо, уселась и, как ни в чём ни бывало, принялась умываться, хитро поглядывая на Сашу.

— Вам... очень идёт, — сказала Саша, чувствуя неловкость и шевеление внутренней тревоги.

— Конечно. И от грызунов помогает, — повторил мужчина, довольный смущением девочки.

Девушка в красном платье дёрнула Сашу в сторону противоположного тамбура и сказала шёпотом:

— Ты что, не замечаешь? Он чуть не нащупал твой амулет!

— Что?

— Если потеряешь амулет, придётся бродить тут, пока не найдёшь новый. Быстро это сделать могут только падшие ангелы или ведьмы. Ни к тем ни к другим лучше не соваться. Попадёшь из одной ловушки в другую.

— Почему?

— Говорила уже: если попытаешься выйти без амулета, тебя может выбросить в мир с другой стороны от твоего прошлого, где время течёт иначе. Ничего просто так не исчезает, когда вступаешь в параллельное пространство. Тут жёсткие правила, и им нужно подчиняться!

— С другой стороны от прошлого?! Но это ведь просто игра, разве я могу пострадать?

— Игра? — усмехнулась девушка, увлекая Сашу за собой. — Ты окажешься не на своём месте, словно переедешь в другой район. Ну или... перейдёшь в другой вагон, как мы сейчас идём. Тебя там будут ждать, может быть, другая кошка или другая рыбка, а может, другая жизнь или другое тело, например, со шрамом поперёк лица. Это плата за нарушение правил и баланса.

Саша побледнела, пытаясь представить последствия такого финала в игре. Немного помолчала и спросила:

— А Вы пробовали выйти без амулета?

— Пробовала, — спокойно ответила девушка.

— И Ваше прошлое изменилось?

— Да.

— Но Вы снова вернулись?

— Потому что я не смогла принять новые обстоятельства.

Девушка улыбнулась, глаза её сверкнули в свете фар проезжающего встречного состава.

— Допустим, представь, что я иногда оставляла ребёнка с бабушкой и, чтобы отдохнуть от рутины, ходила по клубам, подругам, магазинам. И нашла дверь сюда. Пару раз я даже смогла выйти обратно. Я чувствовала, что не стоит снова приходить в игру, но азарт захлестнул. А потом... застряла, потеряв амулет. Когда попробовала выбраться, меня выбросило туда, где у меня нет ребёнка.

Голос девушки зазвучал тихо, в нём появилась горечь, хоть и отстранённая. Саша покраснела, почувствовав вину за то, что поставила собеседницу в неловкое положение.

— Простите, — прошептала она.

— Ничего, — девушка мягко улыбнулась. — Я Лия.

— А я Саша.

— Как только будет станция с фиолетовыми цветами, выходи.

Девушка посмотрела на Сашу глубокими влажными глазами с тёмной прозеленью, блесневшей, как водоросли на воде. И, открыв перед девочкой дверь в вагон-ресторан, исчезла, словно растворилась в атмосфере поезда.

Глава 6. Урок с последствиями

Вагон-ресторан казался неопрятным, несмотря на то что между столов сновали шустрые молодые люди с тряпками. В воздухе витал суетливый дух короткого обеденного перерыва.

Саша слышала с разных сторон неожиданно знакомые разговоры подростков. В основном обсуждали какие-то учебные задания, но разобрать подробности было трудно. Когда прозвенел обычный школьный звонок, все поднялись со своих мест и поспешили в следующий вагон.

Сашу вынесло потоком учеников и опустило в классе с пыльными окнами, грифельными досками и мрачными картинами из геометрических фигур и формул, с нелепыми тенями на стенах, как будто брезгливо гримасничающими.

На краешке стола сидел экзаменатор. Ему было за пятьдесят, и, казалось, он уже наслушался всевозможных глупостей, которые испуганными птицами выпархивали из уст студентов-неучей.

«Нет, нет, нет. Не может быть, — прошептала Саша, — только не это». Математика была её личным проклятьем.

Во время ответа одного из парней учитель, тоскливо качая головой, встал и молча положил перед Сашей билет, продолжая выслушивать отвечавшего.

Саша съёжилась за последней партой. Ей казалось, что её тяжёлое дыхание дробным эхом отзывается в такт стуку колёс. С одной стороны, она жутко волновалась и боялась дать неправильный ответ, а с другой — какое-то новое бунтарское чувство затеплилось у неё в груди, словно внутренний кот выгнул спину дыбом и встопорщил шерсть.

Она взяла заляпанную текущей пастой ручку и принялась кусать колпачок. Через пару минут из-под её руки выплыли на пустой лист круглые скобки.

— Я не знаю... Не помню, — шептала она испуганно. Задача не хотела решаться.

— Ца-ца-ца, скобки есть, остались цифры. Начало неплохое. Только числитель и знаменатель местами поменяй, — прозвучал внутри её головы насмешливый голос толстяка из ночного видения. — Одни балбесы кругом, ты одна у меня звезда!

Саша повернулась вправо. За соседней партой сидел красивый, скуластый парень с тугими завитками блестящих чёрных волос и, не проявляя каких-либо эмоций, выводил ряды ровных символов.

Она посмотрела налево. Там сидел ещё один парень, казавшийся выцветшим, болезненно бледным. Будто природа устала добавлять цвета на мраморную скульптуру и оставила его без всякого контраста красок на лице: брови, ресницы и волосы были всего на пару тонов темнее кожи. Задумчиво осмотрев свои записи, он вымарал несколько строк лёгкими закруглёнными штрихами, повернул голову, слабо улыбнулся Саше и спросил:

— А у тебя что?

Она немного приподняла и диагонально наклонила листок с билетом.

— О, тригонометрические лабиринты. Они не такие страшные, как кажутся. Я бы с тобой поменялся. У меня задача с двумя неизвестными, и этот билет явно меня обыгрывает.

— Но это же очень сложно.

В ответ на её шёпот парень беззаботно пожал плечами.

— А что будет, если не ответишь на билет?

Экзаменатор постучал по столу, сверкнув недобрым взглядом за толстыми стёклами очков, и стук колёс притих вместе с классом. Потом перевёл взгляд на отвечающего — взъерошенного, растерянного ученика — и задал вопрос высоким надорванным голосом. Спустя полминуты, не получив ответа, объявил:

— Что ж. Тогда только Пансион. Это полезно для людей без всякой склонности к логике, как в вашем случае. Щёлкните выключателем у двери, пожалуйста.

Саша проводила поникшего ученика взглядом почти до двери, но тут у красавчика справа упала ручка и закатилась под её парту. Саша попыталась достать её, чуть не свалилась со стула и, густо покраснев, не глядя на брюнета, словно сошедшего с картины Караваджо, положила перед ним ручку. Застеснялась и застыла в ожидании его реакции, но никакой реакции не последовало.

Когда очередь отвечать дошла до неё, она с трудом поднялась и трясущимися руками опустила на стол учителя листок с решением.

— Я так и думал. Ну, наш Пансион всегда рад бестолковым ученицам. Щёлкните выключателем, когда будете выходить.

Саша выполнила распоряжение, шагнула за порог и вместо тамбура оказалась на синеватой под светом фонаря заснеженной дороге. Сердце на секунду замерло и сбилось с ритма, но внутренний голос мягко шепнул: «Иди».

Глава 7. Пансион

Впереди виднелись очертания смутно знакомых домов, которые, вытягиваясь вверх, слегка кренились крышами друг к другу, будто разглядывая девочку. Саша вжала голову и пошла быстрым шагом вдоль нависающих громадин. В самом конце улицы, поперёк дороги, формируя тупик, возвышался очень необычный дом. Он стоял особняком среди вековых деревьев, словно древний страж, охраняющий окрестности. По форме дом напоминал гигантскую шестигранную деревянную гайку, крепко закрученную в сердце старинного парка. Казалось, природа сама вырастила его из земли. Его фундамент глубоко ушёл в землю, основание утопало в траве, а стены поднимались мощными гранями, соединёнными поверху резными арочными переходами. Почти слепой наружный фасад состоял из толстых брёвен. Здание будто чего-то боялось и закрылось от опасности, ограничив количество окон, а те, что есть, спрятав в ниши и запывив, а кое-где и затянув плющом или повиликой. Но самое удивительное было наверху. Поросшая мхом и лишь кое-где заснеженная крутая мансардная крыша, покрытая черепицей и цветными стёклами сияющих в темноте слуховых окон, тянулась к небу. На каждой вершине шестиугольника, словно венец короны, располагались башенки из мутного цветного стекла.

За углом громады стояла худенькая девушка в таком же, как и у Саши, неподходящем сезону наряде. Позади здания был только парк, переходящий в лес, и никаких домов сквозь деревья больше не было видно.

Вход закрывала тяжёлая дубовая дверь с потускневшими бронзовыми оковками и ручками. У входа Сашу встретила пожилая неразговорчивая комендантша в одежде, напоминающей монашескую рясу, с натянутым на самые глаза платком.

Внутреннее пространство Пансиона, точнее холла, занимавшего нижний этаж одной из граней, было наполнено желтоватым светом, проникающим не только через редкие окна, но и исходящим от многочисленных старинных светильников. Пахло старой бумагой и гербарием, как в магазине сухоцветов, с лёгкими, чуть слышными фруктовыми нотками. Интерьер лихо сочетал викторианскую мебель, восточный текстиль и разнокалиберные светильники — масляные и электрические.

В холле были довольно высокие закопчённые потолки и витражи, выцветшие от времени. Слева, хорошо видимая через арку между граней, располагалась неухоженная библиотека с шаткими шкафами. Справа — столовая с антикварным буфетом, несимметрично расставленными облупленными столами и запахами скудных блюд. По периметру этажа с другой стороны внутреннего двора, в который вела огромная застеклённая дверь, размещались, судя по всему, учебные аудитории и лаборатории.

В Пансионе, как оказалось, учились и девушки, и юноши. Девушек на первый взгляд было больше. Здесь не было привычных для школы шумных компаний. Почти все ходили поодиночке, максимум по двое. В здании царил странная для общежития тишина. Стены, частично отремонтированные, явно принадлежали нескольким эпохам. Под потолком гнездились пышные лепные завитки. Нижняя часть была облицована кафельной плиткой, кое-где обвалившейся. Угол лестничной площадки пузырился ржавыми трубами. Коридор был свежеекрашен, но неравномерно: то грязно-розовой, то бурой, то синей масляной краской, местами отчего-то уже покрытой пятнами плесени, похожими на крошечные островки на болотной глади.

Неласковая комендантша проводила Сашу наверх, попутно показав расположение туалетов и душевых. На все вопросы она лишь кивала и издавала нечленораздельные звуки, смутно напоминающие «Самаразбересся». Позади них на полу оставались мокрые серые отпечатки, как будто они шли по подтаявшему весеннему снегу. Вообще, воды на полу явно было больше, чем могли принести с улицы на обуви.

Поднимаясь по истёртой лестнице с некогда роскошными, а теперь облупившимися и серыми от грязи резными перилами, Саша почти столкнулась с угрюмо-растерянным, подавленным парнем. На его рюкзаке висела кроличья лапка. Саша так удивилась необычному брелку, что совсем не обратила внимания на лицо.

Комендантша оставила Сашу перед закрытой дверью её комнаты и, так же, как и при встрече поздоровалась, сухо и односложно попрощалась.

Саша задумчиво осмотрелась и, хорошенько запомнив «свою» дверь, пошла на разведку. Шестиугольный верхний этаж, в котором располагались жилые комнаты, со стороны внутреннего двора нависал над нижними покоем. По внутреннему периметру каждого этажа шёл открытый кольцевой коридор-балкон. Он опирался на ажурные деревянные и металлические колонны, так что получалось что-то вроде многоуровневой крытой веранды вокруг внутреннего двора.

Двери некоторых, явно нежилых, комнат были открыты. Из окон открывались разные виды: заросший пруд, заброшенный парк, ветхий мостик, едва угадываемые очертания жилых домов и далёкие кирпичные трубы заводов.

Каждый уголок был прозрачным, окутанным лёгкой дымкой пара. Вода журчала внутри по невидимым в стенах трубам, наполняя воздух влажным теплом, а снаружи шелестел ветер, касаясь окон своими прохладными пальцами. Задумавшись, Саша поднялась ещё выше, в кабинку-башенку. Она оказалась душевой. Её стенки были сделаны из старого толстого вулканического стекла с разводами, а дно выложено разноцветной мозаикой из полудрагоценных камней: разноцветного янтаря, сердолика, жёлтого и зелёного нефрита...

Здесь сливалась граница двух миров: тихого лесного дна и открытого пространства, куда уходил взгляд. И хотя снизу казалось, что дом стоит в изоляции, с высоты птичьего полёта открывался настоящий калейдоскоп: ряды серых многоэтажек, зелёные пятна парков и далёкий блеск реки. С противоположной городу стороны «гайки», полностью невидимый с улицы, был разбит уютный скверик с причудливыми жёлтыми и зелёными линиями клумб, чем-то напоминающими рисунок на полу кабинки.

Внутренний двор, пустой и неуютный, был скрыт от внешнего мира глухими стенами. Во дворе находился каменный, заросший мхом колодец с ржавой решёткой, а рядом с ним — вместительный деревянный амбар.

Все это придавало тревожности Пансиону, где силы созидания и разрушения переплетались в мудрый хаос с ведомыми лишь немногим людям секретами.

Глава 8. Крысы и одуванчики

Саша вернулась к «своей» двери и несколько секунд стояла перед ней, переминаясь и не решаясь постучать. Неожиданно дверь распахнулась, и строгий звонкий девичий голос заставил её вздрогнуть:

— Чего встала? Тут всё дряхлое, но чуму не подцепишь. Поздно уже. Твоя кровать у стенки. Уроки тут как в детском саду, халява, учителя ни к чему не придираются, но чтобы работу работать, надо выспаться.

Саша вошла в комнату, и дверь за ней захлопнулась.

— Работать?!

— Да, а ты думала, в сказку попала? На переменах наша работа — крысы. Пока не привыкнешь их выкладывать кольцами вокруг клумб, можешь ходить за грунтом в сторону шахт и сажать одуванчики на уже подготовленные грядки.

— Выкладывать крыс и сажать одуванчики?..

— Да, тут такая система, — отозвалась обладательница строгого голоса. — Хочешь сдать выпускной экзамен и двигаться дальше — ищи чужие истории и не забывай про одуванчики. Без них тут всё ломается. И ещё — тут часто зима. Нужно успевать их пересаживать, пока снегом не занесло, и ледяные корки с клумб убирать. Морозов сильных тут не бывает, но снега и льда много. Мы работаем в амбаре. Ищем маленькие предметы из прошлого других учеников. Когда часть твоей истории найдут, ты сможешь подойти к директору и получить разрешение сдавать выпускные экзамены, чтобы двигаться дальше.

— Почему нельзя просто уйти отсюда? Это же игра.

— Это рыночная игра. В неё каждый приносит что-то своё. Если человек может пополнить ресурсы в своём мире, откуда пришёл, игра отпускает его, чтобы он мог «подзарядиться». А если ты ничего ценного из своего мира принести не можешь — например, друзей, идеи, сильные чувства, — то все дороги ведут не в Рим, а в шахту. А там твоя жизнь превратится в настоящий кошмар. Сейчас ты вот тут, — девушка показала рукой жест на уровне своего носа, — а окажешься вот тут: рука ступенчато опустилась ниже уровня старой кровати.

— А как тебя зовут?

— Это неважно. Но если хочешь, я Аня.

— Почему неважно? Я Саша.

Аня нахмурила высокий белый лоб и подняла одну аккуратную длинную бровь, сурово глядя на шкафы с беспорядочно сложенными коробками.

— Ладно, если не забуду. Неважно, потому что неважно. Сегодня Саша, завтра Катя, послезавтра — чемодан у двери с забытыми вещами.

Аня дёрнула щекой и со вздохом добавила чуть мягче:

— И ещё. Во время работ нам не разрешается болтать и собираться группами. Подъём ранний, иначе проспий завтрак, и будет трудно работать. Одуванчики растут рядом с берёзовой рощей и в некоторых других местах, сама потом разберёшься.

Саша озадаченно кивала, соглашаясь со всеми правилами. Внутренний голос то ли ворчливо каркал, то ли хмыкал, но звучал расслабленно и сонно.

Глава 9. Серая каша

Саша стояла в очереди за завтраком, сжимая в руках погнутый алюминиевый поднос. В нос бил густой запах варёной капусты и чего-то подгоревшего. Она получила свою порцию — сероватую массу в глубокой миске — и начала оглядываться в поисках свободного места. Вокруг царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь стуком ложек. В дальнем углу, у самого окна, она заметила одинокую фигуру.

Парень сидел, сгорбившись, и нехотя ковырял ложкой в тарелке. Он выглядел так, будто смертельно устал, но не от физической работы, а от чего-то гораздо более тяжёлого. Его неряшливые светлые волосы падали на лицо, скрывая глаза. Вдруг по залу, словно дуновение ветра в душной комнате, пролетел сладкий, манящий аромат. Саша замерла. Это был запах свежей выпечки: ванили, масла и чего-то ещё, домашнего и тёплого, с нотками цветочного мёда. Он казался здесь абсолютно чужеродным, почти нереальным. Источником запаха был свёрток из промасленной бумаги, который парень с соседнего стола достал из-под полы. Он воровато огляделся и развернул его. Внутри лежал пирог. Саша, забыв про свою миску, во все глаза смотрела на золотистую глянцевую корочку. Парень отломил кусочек, и на мгновение на его лице промелькнуло что-то похожее на счастье. Но оно длилось недолго.

К обшарпанному столу, столешница которого была вся в порезах и разводах, подошёл дежурный: высокий старшекурсник с нашивкой на рукаве. Он не сказал ни слова. Просто молча протянул руку и забрал пирог. Владелец свёртка не издал ни звука. Он лишь опустил голову ещё ниже и снова уткнулся в свою остывшую кашу.

Саша перевела взгляд на бесцветного парня за столом у окна. Тот всё видел. Он медленно отложил ложку и даже привстал, намереваясь подойти и вмешаться. Но под спокойным взглядом дежурного, едва повернувшего к нему голову, снова сел и теперь смотрел в свою тарелку пустым, безучастным взглядом. В его позе не было ни капли удивления или возмущения. Только бесконечная, глухая усталость. В этот момент Саша поняла атмосферу Пансиона лучше, чем после часа нотаций комендантши. Здесь можно было отнять еду, вещи, право на кусочек радости. И никто не будет протестовать. Потому что бороться практически бесполезно. Она поёжилась и, собираясь с мыслями, крепче сжала свой поднос.

В это время от раздаточной стойки отошла похожая на фарфоровую куклу девочка с распущенными по плечам светлыми волнистыми волосами. Девочка показалась Саше знакомой. Саша не могла быть ни в чём уверена, потому что Пансион менял состояние сознания постояльцев, спутывая и затуманивая мысли. Он не разрушал их как личность, но частично или полностью стирал целые пласты памяти, принадлежащие прошлому.

Красотка едва слышно бормотала себе под нос: «Так, Диана, ты справишься. Собери пыльцу болиголова и просто отмерь нужную дозу в лаборатории...». Её монолог внезапно прервался на полуслове — она споткнулась обо что-то живое на полу. Поднос с жидкой серой кашей взлетел в воздух и приземлился точно у ног комендантши, забрызгав её длинный чёрный передник и модные затемнённые очки Дианы.

— А под ноги смотреть кто будет? — возмутилась комендантша, делая вид, что пытается схватить нарушительницу за ухо.

— Кое-кто будет в восторге от отчёта о качестве так называемой каши! — гордо заявила покрасневшая Диана, уворачиваясь от комендантши и поправляя нелепо съехавшие на нос очки.

Ночью, в то время, когда Саша спокойно спала, на кухне Пансиона, где шуршали крысы, кипела работа. Диана сыпала в миску с кашей какой-то порошок из маленького мешочка и

жеманно хихикала: «Спите, крыски, спите... То есть спи, каша, спи... Приказ Госпожи! Идите, крыски, попробуйте вкуснятину и... баю-бай».

Глава 10. Амбар забытых мелочей

Потянулись скучные дни, полные бессмысленной учёбы, невкусной еды и одиночества. Каждое утро перед завтраком и после обеда Саша отправлялась в амбар, чтобы отыскать осколки чужих жизней, утопленные в грудах хлама и песка. Среди забытых вещей лежали обычные мусорные мешки с выпадающими грязными отходами, разбитые стёкла, сплюснутые мячи, обёртки от букетов — всё это валялось в полутёмном пыльном амбаре, словно в огромной пещере безграничных размеров. Внутри это строение было гораздо больше, чем снаружи.

Саша встречала здесь хмурые, одинокие, потерянные и равнодушные лица. Практически никто не смотрел в глаза друг другу. Общее состояние подавленности и меланхолии окутывало Пансион, словно тяжёлый серый саван, а звуки голосов тонули в густом воздухе, как в ватном тумане.

В тёмных углах амбара и в мусорных пакетах копошились крысы, которых нужно было отлавливать и выкладывать вокруг клумб в виде особых рисунков. Крысы искали забытые артефакты — по сути маленькие вещицы, ключи к постепенно исчезающей памяти и судьбам учеников Пансиона. И было очень важно отнять у них эти находки и найти их настоящего хозяина, пока он полностью не потерял связь со своим прошлым и настоящим. Пойманные крысы вели себя по-разному: кто-то агрессивно выкручивался и кусался, кто-то дрожал, кто-то верещал и извивался, но, как только зверьков выносили из амбара, они замирали, обмякали наподобие пакета с крупой, впадая в некий анабиоз, никак не сопротивляясь укладыванию их на грядки.

Затейливая схема орнамента, напоминающего руны древнего алфавита, всегда выдавалась учителями накануне, в конце учебного дня. За вечер нужно было её выучить, чтобы потом разложить крыс в соответствии с планом. Днём фигуры оставались неподвижными, а к следующему утру ни одной крысы у клумб уже не обнаруживалось.

Однажды Саша услышала, как за амбаром комендантша распекала какого-то воспитанника:

— Я видела, как ты спал в амбаре, прогульщик! Не будешь ловить крыс — помрёшь от тоски.

— Это глупый и грязный труд, хуже, чем толочь воду в ступе, я пожалуюсь на Вас в общество защиты детей!

— Жалуйся хоть Верховной Ведьме, а я тебе говорю: не будешь отдавать другим артефакты — и тебе никто ничего не даст. Не будешь собирать крыс — сам станешь похож надохлую рыбину и мхом покроешься.

— Да зачем их вообще ловить?

— Крысы выедают плохие мысли только у тех, кто трудится! Они вытягивают из ваших глупых лбов страх и лень.

— А зачем их складывать тарабарским алфавитом?

— А это не твоего ума дело. Твоё дело помнить, что ты тут как трутень в новом улье. Как только мир почувствует, что ты тюфяковый балласт, тут же и выплюнет тебя, как косточку от вишни.

— Вот и хорошо, домой хочу!

— Размечтался. В более суровое место. Считай, что в мусорку. А там ведьмы быстро найдут тебя и принесут в жертву, чтобы хоть какую-то пользу извлечь из твоих глупых мозгов!

Сашины сонные мысли каким-то образом посвежели, и она крепко задумалась над услышанным. А ведь и верно, большинство учеников не помнили, что с ними было до того, как они сюда попали. Многие вообще жили одним днём, будто именно в этот день и началась их судьба. Она и сама уже начинала всё забывать. Когда ей в очередной раз приснился толстяк,

ей было уже настолько тошно, а память настолько изветшала, что она едва не засомневалась в своём прошлом.

— Опять Вы? — вздохнула Саша. — Да сколько можно?!

— Столько, сколько нужно, — пропыхтел толстяк. — Я Габриель, твой кровный выше-стоящий родственник. Ты моя дочь от первого и единственного брака. Поэтому являюсь, когда пожелаю.

— Скажите, а почему я Вас тогда не помню? — изумилась Саша. — Я же знаю, кто мой папа!

— Знаешь, мышка, жизнь иногда меняет нас сильнее и быстрее, чем мы хотим. К тому же переход из мира в мир тоже накладывает свои условия. Я, кстати, не везде толстый.

— А зачем приходить и сниться, если такие сложности?

— Я, между прочим, по тебе скучаю, — с упрёком сказал толстяк. — И, как я понимаю, ты связалась с сомнительной компанией, хотя цель-то у вас подходящая. И тебе как раз в такое и положено вмешиваться, по крови и по статусу. Только вот зря ты в самое пекло лезешь.

— Хочу — и лезу, хочу — и проснусь! — решительно сказала Саша, открывая глаза.

Тем не менее червячок сомнений в ней остался. Она попыталась вспомнить отца и поняла, что у неё не получилось, и даже лицо мамы стало каким-то размытым. Немудрено: здесь все теряли память и потом по кусочкам собирали её в амбаре.

Глава 11. Повилика и другие шпионы

Зато все воспитанники хорошо знали правила Пансионa. Время от времени ученики, вглядывавшиеся в мелкие вещи, слышали эпизоды из прошлой жизни владельца, будто дуновение из прошлого. Что-то нашёптывало ключ к человеческой судьбе. Это был ещё один способ определить, помимо отнимания у крыс, что найденная вещь была артефактом. Но стоило попытаться вычислить владельца, как в сознании возникали помехи, мешавшие сосредоточиться.

А иногда это были вовсе не помехи, а вполне реальные вредители. Сашу долго преследовало воспоминание о её первом дне в амбаре. Она тогда ещё не умела искать и лишь наблюдала за остальными, и её внимание привлёк один «охотник за памятью». Парень ползал на коленях в дальнем углу амбара, освещая себе путь тусклым светильником. Вокруг громоздились горы хлама: склянки, бутылочки, ржавые шестерёнки, старые выпцветшие игрушки, скомканные обрывки бумаги. Его перепачканные пальцы методично перебирали мусор. Он искал «осколок» — вещь, которая могла бы стать ключом к чужому прошлому. Внезапно его рука наткнулась на что-то холодное. Он вытащил предмет из-под груды тряпья. Это был старый игрушечный солдатик. Едва он коснулся игрушки, как расплылся в улыбке, и Саша поняла: в его голове вспыхнули образы.

— Лето, дача, бабушка наливает мальчику горячий борщ, а на столе перед ним стоят игрушечные солдатики, на которых он периодически бросает довольный взгляд... Я понял, чьё это... — прошептал он, сжимая находку.

Но радость его была недолгой. Из пыльного пола, прямо сквозь гнилые доски, стремительно пробился тонкий бледный побег. Он обвился вокруг его запястья, словно живая верёвка. Парень вскрикнул и попытался стряхнуть его, но побег был прочным, как стальной трос. Вьюнок-повилика с невероятной скоростью начал виться вверх по руке, цепляясь за неё острыми усиками. Они не просто связывали — они впивались в кожу. Вьюнок дополз до плеча, оплёл всё тело парня блёклым коконом и парализовал волю.

Саша с ужасом смотрела, как он слабел и задыхался, не в силах сопротивляться и звать на помощь. Она буквально чувствовала, как растение усыпляет сознание парня, как усики-щупальца высасывают мысли из его разума. Словно кто-то проецировал ей в мозг его чувства и мысли. Это было не больно, но жутко. Растение не душило — оно высасывало чувствительность и интуицию. Вместе с воздухом из лёгких, из его памяти уходило и видение о мальчике. Образ дачи тускнел, стирался из его сознания, превращаясь в серое размытое пятно.

Сбросив оцепенение, Саша бросилась к парню, но, подбежав, увидела лишь, что пострадавший сидит на полу и бессмысленно смотрит в стену. Он чем-то напоминал завядший, не прижившийся на грядке одуванчик. Повилика исчезла.

— Ты как? Что с тобой? — затормошила она парня, опасаясь, что он теперь навсегда останется похожим на зомби.

— Да норм я, отойди, мелкая, — очнулся тот. — Задумался просто.

В кулаке он по-прежнему сжимал солдатика. Но теперь это был просто кусок металла. Осколок чужой судьбы исчез вместе с его памятью. Парень отшвырнул его в сторону: «Пустышка».

То, что воспоминание осталось внутри Саши, уже ничего не значило. «Обучение поиску пройдено, — грустно съехидничала она внутри себя. — Опасайтесь ярких воспоминаний, они привлекают повилику!»

Теперь ей стало понятно, почему их заставляют так тщательно выпалывать сорняки с грядки и особенно снимать со стеблей до малейшего кусочка эту, безвредную на первый взгляд, паутинку-повилику. А ещё она поняла, что поиск — дело вовсе не простое и лишь на первый взгляд безопасное. Именно поэтому успешная находка и воссоединение — такая редкость.

Поэтому маленькие забытые вещицы, которые шептали: «Я — осколок судьбы», девушки и юноши старались особенно не слушать и передавали друг другу, доверяясь скорее интуиции. Возможно, потому, что в амбаре вперемешку с абсолютным хламом лежали только те вещи, хозяева которых навсегда забыли о них. Здесь, среди обрывков нитей, консервных банок, грязных поделок, битых стёкол, сплюснутых мячей и обёрток, вещи, попадающие не к своим владельцам, превращались в песок под ногами искателей. Тот, кто успешно находил кусочек своего или чужого прошлого, получал шанс двигаться дальше.

Саша иногда погружалась в вязкое чувство несправедливости. То винила себя за нерасторопность и рассеянность, то сетовала в душе на толкучку, шум, мешающий сосредоточиться, на учителей, равнодушных к трудностям учеников, и даже на обшарпанные стены — за нагнетание лишней тоски.

Она внимательно слушала учителей, которые объясняли схемы укладки крыс и поиска артефактов, но порой её одолевали сомнения. Её пальцы дрожали, когда она пыталась сопоставить призрачные сцены чужой жизни с обладателем предмета. Ведь одно неверное движение — просто не тому протяни! — и вещь исчезала, а вместе с ней исчезал и шанс для кого-то выбраться отсюда. А кто знает, сколько у каждого из учеников было этих шансов? Не бесконечное же количество... Но дети всё равно раз за разом пробовали, предлагали друг другу вещицы в надежде: «Вдруг повезёт?»

Те, кто умел распознавать вещи и их хозяев, получали возможность покинуть Пансион досрочно после сдачи своеобразных экзаменов. Впрочем, экзаменационная проверка была не самым сложным, а скорее досадным испытанием после головоломки с забытыми мелочами.

Этот странный рабоче-учебный день всегда проходил в неудобной тишине. Большинство учителей давали не только домашние задания, но и темы для самостоятельной работы в классе, в основном отправляя в ветхую, похожую на античный храм библиотеку за всякой «нудятиной». Но те воспитанники, кто похитрее, оборачивали интересные книги в старую бумагу и читали на уроках приключения и романы.

После уроков ученики снова отправлялись к клумбам и амбару, ковыряясь в куче хлама без азарта, но с вынужденным упорством. Амбар был открыт круглосуточно, поэтому у некоторых были тёмные круги под глазами.

Изредка среди груд хлама появлялись бодрые крысы, пытавшиеся утащить мелочи в свои норы. Это с одной стороны радовало, ведь отнятая у крысы вещица гарантированно была «осколком судьбы». С другой стороны, если крыса утаскивала артефакт, это, считай, потеря навсегда. Пойманных воришек тут же выносили наружу, где от солнечного света они быстро обмякали и скукоживались. Клумбы, обрамлённые орнаментами из бесчувственных крыс, немедленно засаживали одуванчиками.

Климат в локации Пансиона был капризным: времена года менялись резко и непредсказуемо, будто мир болтался, как шарик на ветру, из стороны в сторону. Внезапной весной, которая могла наступить посреди зимнего дня, Саша собиралась с силами и шла вместе с другими учениками в парк, огороженный ржавой решёткой, где росли берёзы, высаженные неравномерными рядами. Там она выкапывала капризные, но яркие одуванчики и тщательно осматривала их, чтобы случайно не занести на грядки сорняки и паразитов.

Однажды Саша заметила, как Диана, патрулируя амбар, наткнулась на упитанную, но юркую крысу, нёсшую в зубах зелёную расчёску с инкрустацией на ручке. Вещь явно принадлежала в своё время какой-то маленькой девочке.

— Мерзкая крыса! Именем Хозяйки, стой! — зашипела Диана.

Крыса остановилась и посмотрела с невыразимым презрением, смешанным с жалостью. Затем выпустила зелёное из пасти и громко чихнула в сторону Дианы. Вокруг девочки тут же неведомым образом образовалась гора мусора с клубящейся вокруг пылью. Крыса, подобрав

свой трофей, неспешно удалилась по своим делам, а Диана осталась стоять посреди грязной кучи.

— Она что — применила колдовство? Я... я напишу рапорт! — донеслось до Саши её возмущённое шипение.

Глава 12. Саша обживаетеся в Пансионе

Саша очень удивилась, увидев однажды в классе очкастого нервного экзаменатора из поезда. Но на этот раз он был вполне сносным. К тому же лекции, которые он читал, прямо отвечали на накопившиеся у Саши вопросы. Приглашённая звезда занудства рассказывал про странное поведение местного игрового пространства-времени, которое иногда поглощает собственные куски.

— Ага, жуёт и выплёвывает, — сказал призрак толстяка с пирожками и с видимым отвращением выплюнул листочек салата. — Вот как, скажи мне, как оно, зелёное это, попало в мои пирожки?

Похоже, что никто, кроме Саши, его не видел.

Лектор самозабвенно рассказывал, как в противоречии был рождён первый игровой мир. Его создатели поссорились, и один из них с помощью магии усилил вражду между ангелами и ведьмами, повадки которых могут проснуться в каждой сущности. А второй наделил некоторых существ двойственной природой и поставил устойчивость миров в зависимость от умения частей понимать друг друга. Но когда проектировщики разругались, коды матрицы пространства разошлись и единые сущности распались, они стали всё сильнее отличаться друг от друга, и мир то и дело терял первоначальное равновесие. А некоторые его части даже гибли в противоборстве. Словно материя и антиматерия, протон и антипротон, сливаясь воедино, уничтожают себя и всё вокруг. Так и люди способны погубить мир одним лишь неумением слушать.

На последней фразе экзаменатор вышел из тумана собственных грандиозных видений и гаркнул на девочек, играющих под партой в карты с сердечками и звёздочками:

— Только и умеете, что получать удовольствие от примитивных занятий! Вам более пристало перемешивать удобрения для грядок!

Девочки спрятали улыбки, изобразив пристыженный вид и внимательное слушание. Однако стоило профессору снова увлечься лекцией, как они меланхолично вернулись к привычной игре на интерес: рассыплется или не рассыплется предмет в пыль, кому надерут уши, кто первым уйдёт из Пансиона. А когда надоело и это, разыграли пирог, полагавшийся на ужин. А напоследок: кому таскать песок на грядки, а кому перемешивать удобрения.

Однажды утром вместо похода в амбар Саша тихо обошла здание и села на берегу пруда, кроша рыбам кусочек хлеба. Рыбки моментально собрались вокруг. Крупных особей со злобными голубыми глазами она среди них не заметила.

Во время ужина к Саше подошла комендантша и сурово отобрала у неё тарелку.

— Ужином пусть тебя сегодня рыбы кормят, — сказала она с нескрываемым недовольством. — Тут как поработаешь, так и полопаешь. А дармоедов кормить нечего. Так что хочешь ужин — марш на грядки.

Покраснев, Саша встала, взяла тряпку у кухонных дежурных и демонстративно вытерла свой стол несколько раз до непривычного блеска. А потом вышла из закопчённой столовой и отправилась к своему рабочему месту.

Иногда Саша пыталась поговорить с воспитанниками, но их ответные реплики были сухими и равнодушными, как хруст замороженных листьев. Однажды вечером, когда Саша, лёжа на кровати, учила урок по ботанике, к ней на раскрытую книгу, прямо на страницу с ненавистным одуваном, шлёпнулся с потолка огромный сырой кусок штукатурки. Обведя взглядом захламлённую комнату, Саша стряхнула липкий сырой ком на пятнистый от грязи пол, захлопнула книгу, спрыгнула с кровати и решительно спросила соседку по комнате, не хочет ли та помочь с уборкой. Аня посмотрела на неё удивлённо и с усмешкой ответила, что уборочный инвентарь хранится рядом с душевыми.

Саша фыркнула и отправилась на поиски. Однако, обойдя всю галерею верхнего этажа, не нашла ничего полезного для уборки. В досаде она уже спускалась по лестнице в столовую, намереваясь выпросить там посудную тряпку, как вдруг заметила мальчика с волосами цвета выгоревшей на солнце соломы, красящего масляной краской стены в сырых пролётах. Она невольно улыбнулась: от участка, где трудился мальчик, расходилась аура спокойствия. Причём это странное для школы действие ни у кого не вызывало удивления. Полупустые банки с краской и известью, замоченные кисточки довольно часто попадались то тут, то там в переходах. Поговаривали, что запахи краски отпугивают повилику, с которой здесь беспощадно боролись.

«Вот он-то мне и нужен, — подумала Саша, — он наверняка знает, где тут хозинвентарь». И действительно, блондин объяснил, что ведра и метёлки хранятся в потайной секции с обратной стороны душевых кабин.

Саша вернулась на верхний ярус здания и обнаружила в сыром шкафу, пахнущем старым колодцем, полусгнившие, заплесневевшие веники. Перебирая их в поисках более-менее приличного, Саша сперва почувствовала неожиданный для этого места запах яблок: слабый-слабый, исходящий от одной из метёлок, — а затем услышала приглушённый разговор: испуганный шёпот и высокий, хриплый голос. Этот неприятный тембр, отозвавшийся чем-то тревожным, заставил Сашу замереть на месте и прислушаться к словам, доносящимся через стенку.

Глава 13. Игра тени и Света

За мутной стеклянной стеной, в тесной кабинке, происходило нечто мерзкое.

— Ты не выполнила задание, — прозвучал строгий девичий голос. — Обещала найти зелёную расчёску, которую видела Таня. Тебе объяснили, как она выглядит. Неужели сложно теперь её обнаружить и принести мне?

— Мы к тебе сейчас ещё по-хорошему, — добавила другая девушка. — Можешь сама выбрать наказание: или выпьешь грязную воду из этого тазика, или мы расскажем, что ты ворует у комендантши пироги и тебя посадят в подвал с рыбами. А оттуда не все возвращаются.

Саша замерла, не решаясь вмешаться, вся превратившись в слух, пока третья девушка умоляла:

— Пожалуйста, только не воду, — всхлипнула жертва.

Саша не выдержала и резко распахнула дверь кабинки:

— Прекратите!

Разъярённые фигуры разом повернулись к ней. Заводила, которой оказалась Диана, угрожающе шагнула вперёд:

— Это новенькая вроде?

Найти расчёску требовала именно она.

— Проваливай. Или получишь тоже, — поддержала подстрекательницу вторая.

В Саше поднялась горячая волна протеста, и она решительно ответила:

— Я не уйду. Нельзя издеваться над людьми!

Диана презрительно усмехнулась:

— Это не твоё дело. Или хочешь случайно поскользнуться на мокром полу и получить пару... шишек?

Саша выставила вперёд руку с веником, заняв оборонительную позицию:

— Вы должны извиниться перед ней.

— Или что?

Саша напряглась, готовая защищать пострадавшую:

— Или я расскажу директору.

Диана холодно усмехнулась:

— Вперёд. Только не забудь зареветь погромче. Хотя вряд ли это поможет.

Вторая девушка сощурилась и поддакнула:

— Да тут всем на всё плевать, а директора вообще никто никогда не видел. Зато есть затопленный подвал.

Злодейки переглянулись, и старшая сказала с намёком:

— Говорят, там иногда пропадают люди.

— Да, от них ничего не остаётся. Даже костей. Так что если ты вдруг пропадёшь — никто не удивится, — подтвердила вторая.

В их голосах звучала угроза, но Саша не отступила. Громкий треск и падение куска сырой извёстки с потолка заставили всех замолчать. Комендантша появилась в дверях:

— Что вы тут развели? От шума стены трясутся. Чтобы убрали за собой! И марш на грядки! Вам же сказано: не будете сажать одуванчики — здание развалится. И кусок извёстки прихватите. Закопаете в грядки вместо удобрения. А ты чего веник вытащила? Нечего чужое имущество трогать. Ложи назад!

— Не ложи, а положи.

— Да кто ты такая, чтобы мне указывать?

Саша подняла голову и чётко произнесла:

— Правильно говорить не «ложи», а «клади» или «положи». Было бы приятно услышать: «Пожалуйста, положи веник на место». На что я бы вежливо ответила, что веник мне необходим для уборки дохлых мух и паутины в комнате. А ещё вот эти двое только что издевались над девочкой, и Вам нужно передать это директору.

Комендантша лишь хмыкнула:

— Сами разбирайтесь. Директора нечего по пустякам дёргать. У нас вон крыша течёт. Вы будете чинить? Смотрите мне. Не будет веника на месте — не будет ужина.

— Спасибо за помощь! — выпалила красная от злости Саша.

Последняя фраза догнала комендантшу, когда та шоркала к двери.

Злодейки снова переглянулись, а затем, неохотно подхватив с пола кусок извёстки, недовольно покинули кабинку, оставив тихонько плачущую потерпевшую. Саша взяла её за руку и осторожно вывела из душевой.

— Я Саша, и, если что, ты не должна им подчиняться. Приходи сегодня к нам поболтать.

— А я Света.

— Не плачь. Их накажут обязательно. Если хочешь, я буду провожать тебя в туалет.

Света всхлипнула, но с надеждой посмотрела Саше в глаза:

— Я не могу найти эту расчёску. Я пыталась.

Саша мягко улыбнулась:

— Послушай, даже если ты её найдёшь и передашь этой «владычице морской» — она рассыплется у неё в руках. Ведь ты отдашь вещь не её истинному владельцу.

Света тихо засмеялась сквозь слезы:

— Ну да, точно.

— Возможно, она просто издевается над кем-то ещё и не хочет, чтобы вещь нашла своего обладателя. Наверное, она знает, чья это вещь.

Света кивнула. Саша ласково похлопала её по плечу:

— Так что на дураков не обижаются. Давай умывайся и приходи. Знаешь, где моя комната?

Глава 14. Живая трещина

Под насмешливым взглядом соседки Саша честно попыталась подмести пол истрёпанным, грязным веником. Результат оказался плачевным — мусора меньше не стало, а на поверхности остались серые разводы от размазанной штукатурки. Чувствуя собственное бессилие, девушка со вздохом пошла в душевые, намереваясь вернуть веник и намочить найденную под кроватью грязную тряпку, которую давно следовало выбросить.

Но, снова поднявшись наверх и открыв перекошенную дверь в душевую галерею, она неожиданно столкнулась с высокой фигурой. Величавый юноша появился внезапно, словно выпущенный из чёрного магического зеркала. Его черты были одновременно немного детскими, в то же время уже обрели характерную для рано взрослеющих парней мужественность и строгость, и даже казались какими-то нездешними. Статность юноши была притягательной, но и напряжённой, надломленной, как у ангела, потерявшего крылья, или у звезды, некогда ярко сиявшей в ночи, а ныне угасающей. Впрочем, звезда у него была: на груди незнакомца сиял затейливый амулет.

Губы юноши тронула горькая усмешка, и негромко, почти шёпотом, он бросил куда-то в пол презрительное: «ненасытная прорва». Развернувшись, незнакомец быстро спустился этажом ниже и скрылся за поворотом, оставив Сашу в полном изумлении. Веник в её опущенной руке продолжал сочиться грязью и, словно немую насмешку, оставлял на полу разводы, подчёркивая тщетность усилий в борьбе за чистоту.

Выложенный разноцветной плиткой пол галереи рябил под ногами, как мёртвая змея, ноги поскальзывались в темноте. Кафель был гладким, влажным, будто покрытым слизью времён. Каждое движение рождало хлюпающее эхо шагов, вторя зыбкой истории Пансионa. Коридор удивлял безлюдностью. Шагая по нему, девушка обратила внимание на необычные звуки: откуда-то снизу доносился рокот воды, стук капель, глухие всплески и шорохи. Казалось, стены сами дышали влагой и темнотой. Путь под ногами изгибался и пульсировал, как существо из живой плоти, поджидающее жертву.

Темнота окутывала проход. От света висящих на стенах одиночных масляных фонарей плясали острые тени. Добравшись до нужной душевой кабинки, Саша обнаружила страшную картину: прямо напротив двери в душ змеилась трещина, из которой сочились вода, собираясь на полу огромной грязевой луже. Несколько крупных и мелких грызунов барахтались, пытаясь выбраться, но вода жадно засасывала их обратно в разлом. Саша метнулась к луже и, выхватив одну из крыс, откинула её подальше к стене. За крысой бросилась неизвестно откуда взявшаяся жёлто-синяя змейка, но не вписалась в крутой поворот разлома. Змейка зашипела, а крыса, как показалось девочке, издевательски оскалилась и только что не показала врагу скрученную из гибкого хвоста фигуру...

Внезапно в проломе появилась странная пара злых синих глаз, явно нечеловеческих, блестящих, как драгоценные камни. Сашино сердце сжалось от ужаса. Под ногами хрустнула плитка. Неведомая сила гнала девочку бежать обратно в комнату, подальше от зловонной трещины, в которой, как ей показалось, мелькнули тонкие белые пальцы, схватившие за хвост одну из барахтавшихся крыс и утащившие напуганного зверька в булькающий разлом.

Из-за поворота появилась комендантша.

— Кому-то захотелось отведать на ужин свежатинки, — бормотала она себе под нос. — Однако бездонную пропасть в сердце этим не залечишь...

Саша обернулась на её голос и случайно наступила ногой на что-то живое — пучеглазая чёрно-синяя рыбка выскочила из расщелины, видимо, с намерением проскользнуть в ближайшую влажную трещину в стене. Но не успела.

— Жалко рыбку, — с непонятной интонацией сказала комендантша, сталкивая рыбку в разлом и поднимая взгляд на девочку. — И тряпку намочи, раз уж пришла.

Трещина на полу уже начинала затягиваться, и Саша, с опаской её обогнув, пробралась к старинному настенному умывальнику. Встряхнула над медной раковиной тряпку; из неё посыпались сухие букашки и червяки. Брезгливо сморщившись, Саша открыла воду и начала смывать их, а потом выполаскивать тряпку, вспоминая, что точно такими червяками кормила рыб в комнате у Хозяйки. Просыпавшихся мимо раковины личинок подьедала спасённая из водоворота крыса, аппетит которой несколько не пострадал от смертельных опасностей.

Вернувшись бегом в свою комнату, запыхавшаяся Саша застала Аню, всё так же сидящую на краю кровати в позе лотоса и читающую толстую книгу. Её лицо, как всегда, было серьёзным и задумчиво-отстранённым. Нервно выдохнув, Саша обратилась к соседке:

— Ты не представляешь, что я там видела!

— Да что ты там видела! Нашла чем удивить, подумаешь, Хозяйка приходила...

— Хозяйка?

— Ну а кто ещё? Не испортила она там себе коготочки, ковыряя нашу штукатурку?

— А ты только о красивых ногтях думаешь? Поэтому с тряпкой не дружишь?

— А что такого? Ты на себя-то посмотри, уборщица. Ну и видок! Ходила на раздачу петард по дешёвке? — ответила Аня и тут же спросила, указав на мокрую, всклокоченную крысу, заскочившую в комнату вслед за Сашей и теперь растерянно бегавшую по комнате в поисках убежища:

— А этот бедный родственник что тут делает? Сегодня день защиты сирот?

Саша не обратила на её слова внимания и рассерженно повысила голос:

— Сколько ты уже здесь? Мне кажется, что эта бесконечная бессмыслица отупляет и затягивает в мерзкое болото. А что потом? Почему мы должны тут находиться, терпя эту гниль и несправедливость? И кто-то постоянно следит за нами, разве это нормально?

Аня закрыла глаза, морщины на лбу обозначились отчётливее:

— Здесь лучше не считать дни и годы абсурда. К тому же тут есть еда, свой угол, книги — сколько хочешь... Просто живём и поёживаемся в ожидании перемен, которые, возможно, никогда не произойдут.

— И тебе всё равно?

— Иногда накатывает... Находит, знаешь: воздух, солнышко, птички... Но мы заложники своих же проблем. Знаешь, я уверена, что ключ к свету существует, но он скрыт в тенях, которые лучше не беспокоить. Возможно, что отчасти дело в нашей собственной тени: мы сами себе загораживаем выход. А по поводу слежки — я думаю, чаще это наше собственное воображение и самомнение заставляют думать, что мы так сильно кому-то нужны, чтобы за нами наблюдать. Поверь, Верховной Ведьме до лампочки, что ты делаешь в своей локации.

— Не верю. Иначе зачем мы тут?

— Пойми, она уже заполучила тебя и высасывает энергию для своих целей.

Саша прижала руку к груди, почувствовав внезапный страх неизвестности и перспективы надолго остаться здесь. Мысли кружились водоворотом: кто она? Где правда? Может, она потеряла нить собственного бытия? Она не сомневалась, что побег возможен, но теперь её преследовала мысль, что путь окажется труднее, чем жизнь в нелепом Пансионе.

День за днём разговоры в комнате девочек крутились вокруг насущных тем, но не касались безвыходности обстановки. И вот сейчас появился шанс проговорить всё это вслух и подумывать о решении.

— Ты хочешь сказать, что я обязана ждать спасения здесь? Я думаю, что даже дома было не так тяжело и уныло! Я верю, что моё будущее не связано с этим болотом.

— Может, лучше не нагнетать и поискать плюсы? Ты не боишься потратить силы впустую?

— Я хочу верить, что моя нормальная жизнь находится за пределами этого дурацкого кошмара! Я хочу попытаться, — твёрдо сказала Саша, глядя на Аню широко раскрытыми блестящими глазами.

Аня понимающе улыбнулась и, закрыв книгу, коротко кивнула.

— Хорошо, — тихо согласилась она. — Тогда будем искать выход. Главное помнить: ответ не принадлежит кому-то одному. Ты найдёшь его, если будешь готова разделить свои открытия с другими. Об этом все пишут, — и показала рукой в сторону своей полки, битком набитой книгами по философии.

Саша крепче сжала кулаки. Решимость осветила её лицо. Она кивнула, соглашаясь с предложением Ани:

— Хорошо, будем действовать сообща.

— Договорились, подруга!

С этими словами Аня поднялась и, подхватив вторую тряпку, направилась к двери, чтобы намочить её и присоединиться к уборке. Она наконец поверила, что дорога к спасению существует, она не одинока и есть ещё шанс взять контроль над происходящим в свои руки.

Глава 15. Мелочи большого плана

Постепенно в комнате стало намного чище, в горшке на окне завёлся неприлично раскормленный одуванчик, и по вечерам соседки весело болтали. И всё же Аня так и не избавилась до конца от своей привычки ничего не делать, но давать умные советы, и Сашу эта её праздность частенько раздражала. Как и привычка приносить в комнату еду, оставлять крошки на полу, кровати и письменном столе. Саша догадывалась, что жирные пятна на её рабочих тетрадах — последствия дурных привычек Ани. Чтобы поменьше злиться на соседку, Саша предпочитала реже бывать в комнате и побольше общаться с аккуратной и послушной Светой.

В отличие от Ани, Света питала интерес не только к книгам, но и к окружающему миру, хоть и жутко боялась тёмных углов и шорохов, вечно раздувая из мухи слона. Скромная и неуверенная в классе, с Сашей девочка с лёгкостью обсуждала самые странные и пугающие ситуации. Света рассказывала Саше о своих чувствах, отношениях с обидчиками и сердечных переживаниях. Саша заняла родительскую позицию, советовала Свете присматриваться к людям и не открывать душу первому встречному. Хотя сама при этом была практически первым встречным, и ей пришлось ввести поправку на дружбу с первого взгляда.

На переменах подружки щебетали у кучи хлама, вместе ходили в библиотеку, столовую и душевые. Щебетал и Сашин внутренний голос, деловито прищипывая или подбадривая её во время возни с артефактами и крысами.

Однажды вечером девочки, как обычно, вместе возвращаясь из амбара, решили сходить в душ. Света сразу пошла на мансардный этаж, а Саша заскочила в комнату, чтобы прихватить сменные вещи и заодно устроить небольшую постирушку. Когда она поднялась в душевые, Света уже закрылась в кабинке и включила воду. На скамеечке у двери она оставила верхнюю одежду и несколько принесённых с собой пухлых любовных романов.

Саша зашла в соседнюю кабинку и занялась стиркой: ей вообще нравилось сперва делать все дела, а уже потом спокойно и не торопясь расслабляться под тёплым душем. И вдруг из крана потекла грязная, бурого оттенка вода. Такое бывает, когда тревожат старые железные трубы, и с их стенок отслаивается ржавая муть. Она перекрыла кран, чтобы спасти вещи, и поняла, что в соседней кабинке вода продолжает течь как ни в чём не бывало. Пытаясь перекричать шум душа, она повысила голос:

— Свет, что-то не то! Выключай воду!

Но ответа не последовало, вода продолжала шуметь. Саша оглянулась на таз и увидела, что вода в нём пошла мелкой дрожью, а трещины на стене и в напольной плитке словно вспухли выпирающими из-под них венами-корнями.

— Света! — крикнула Саша, распахивая дверь из своей кабинки в коридор.

Почти мгновенно её накрыло ощущение дежавю. Но было и отличие: в этот раз у неё сильно болела голова, и вместо водоворота в расселине свирепствовал ураган, затягивающий в себя не крыс, а врывающиеся в балконную галерею почерневшие осенние листья.

Из разлома в сторону Саши выскочила покрытая липкой слизью крупная рыба практически чёрного цвета. Выпученные мутно-синие глаза рыбы смотрели на девочку так зло и хищно, что та испугалась. Попятившись, Саша поскользнулась на покрывшей весь пол слизи, похожей на густой комковатый яблочный кисель, и упала. Пол тут же наклонился, и девочка заскользила в сторону воронки. В панике Саша начала нащупывать вокруг себя хоть что-то, за что можно удержаться, а пучеглазая рыба прыжками двинулась к ней. С отчаянным криком Саша ударила её книгой — единственным, что смогла схватить. Рыба будто щёлкнула зубами и как-то странно заклокотала, словно забормотала злое заклинание. Саша ударила её ещё раз и продолжала бить, пока рыба не замолчала. И почти сразу чудовищная трещина чавкнула и начала смыкаться.

Как только разлом захлопнулся, у Саши закружилась голова, и ватный воздух, особо густой над срастающейся расщелиной, проникнув внутрь груди, принёс состояние дурманящего угара с лёгким запахом лаванды.

Когда Саша пришла в себя, она сидела на сухом полу рядом с отсыревшими книгами и совершенно не помнила, как здесь оказалась. Девочка машинально подобрала любовные романы, чуть задерживая удивлённый взгляд на глуповатых обложках, и понесла книги в комнату. А там, покрутив головой и не найдя другого подходящего места, втиснула их на Анину книжную полку. Они весьма потешно смотрелись среди величаво-монументальных философских трудов и книг по медитации. Но это были книги, и их место было на единственной в комнате книжной полке. В голове по-прежнему была неприятная пустота, но внутренний голос постепенно набирал высокие частоты, как механическая сирена тревоги.

Глава 16. Неожиданный приют

Только спустя некоторое время к Саше вернулись фрагменты воспоминаний об исчезнувшей подруге. Она попробовала выяснить, куда делась Света, у занятых своими мыслями воспитанников Пансиона, но ничего вразумительного от них не добилась. В конце концов Саша утвердилась в мысли, что подруга просто рискнула сменить давящую обстановку на что-то новое, перелезла через ограду и сбежала. Однако на Свету это было не похоже. Поэтому, вопреки собственным страхам и угрозам комендантши, девочка решила проверить, что же находится за воротами Пансиона.

Как-то вечером, набравшись смелости, она выбралась за забор: проползла за одуванчиковой грядкой, испытывая сильное волнение и ощущение преследования, и поднырнула под нижний прут. Выбравшись с территории Пансиона, она сперва шла неуверенно, но вскоре освоилась и направилась по едва заметной тропинке через парк — к старым домам барачного типа, которые видела через забор, когда выкапывала одуванчики.

Этот парк был похож на их берёзовую рощу полным презрением ко времени и сезонам: точно так же то зеленел, то опадал осенней листвой несколько раз в неделю и совершенно непредсказуемо хрустел под ногами снегом.

— Может, это сквер моей свободы? — мечтательно спросила Саша у своего внутреннего голоса и получила в ответ саркастическое фырканье.

Побродив среди заросших бурьяном палисадников и бугрящихся старыми древесными корнями сухих клумб, на которых странно было видеть обычные садовые растения, между заброшенных нежилых домов, облупившаяся краска на которых напоминала камуфляж, она вернулась на территорию Пансиона в амбар, где долго перебирала старые вещи, разложенные на полу. Некоторые из них слабо дрожали, словно от мелких порывов ветра, и тихонько рассказывали свою историю. Саша провела рукой по куче, глядя её, как большого грязного кота, пытаясь почувствовать энергию прошлых владельцев.

И снова потянулись скучные будни. Ночью Саша часто просыпалась от странных звуков и тревожных снов. Иногда она вставала и записывала свои мысли, сны и события дня в старую тетрадь с ржавыми пятнами. Чтобы не думать о своём грустном положении, девочка выбирала красивые афоризмы из старинного поучительного романа, который нашла в библиотеке, и меняла возвышенно-педантичный стиль на простые забавные выражения.

Например, фразу: «Воспитанная девочка ходит с прямой спиной, но без напряжения, взгляд прямой и открытый, а движения плавные» она изменила на: «Воспитанной девочке следует ходить легко и свободно, шагая за своей мечтой и никогда не опускать голову перед заносчивыми ханжами». Потом добавила: «И перед агрессивными идиотками».

Каждый раз, когда она стояла под душем, ей сквозь шум воды чудились то просьба о помощи, то затихающий, словно тонущий в колодезном эхе, крик, то шелестящий плач, но источник звука был не снизу и не сверху, а как будто внутри её сознания. Решив выяснить, что происходит, она обнаружила, что остальные ученики и преподаватели ведут себя так, будто ничего странного не слышат.

— Почему я единственная страдаю от этого жалостливого шума? — думала она, гуляя по парку около пруда. — Что это значит: наказание за мысли о том, как отсюда выйти? Или мне нужно кому-то помочь?

Выпрыгнувшая из воды толстенькая рыбка звонко плюхнулась обратно, забрызгав и напугав Сашу, и в этот момент она словно сама с головой окунулась в пугающие воспоминания: «Света!». А ночью ей снова приснился толстяк.

— Да что Вам от меня нужно! Почему мне не снятся единороги и эльфы? Я хочу обычный сон для девочек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.